

Выготский vs Фрейд: о переосмыслении психоанализа с точки зрения культурно-исторической психологии

Е.Ю. Завершнева*,

Московский государственный медико-стоматологический университет имени А.И. Евдокимова,
Москва, Россия,
zavr71@yandex.ru

Динамика отношения Выготского к теории Фрейда анализируется на материале опубликованных работ Выготского и его личных записей. В статье суммирована критика Выготского в отношении психоанализа, включающая указание на недостатки и прогрессивные положения теории Фрейда. Показано, что заочная полемика Выготского с Фрейдом определялась логикой развития культурно-исторической психологии и достигла стадии потенциального соперничества научно-исследовательских программ в конце 1932 г. Обсуждается возможность переосмысления классического психоанализа в контексте идей последнего периода научной биографии Выготского (1932–1934), а именно идеи сознания как динамической смысловой системы, представления о смысловом поле, о связи нормального и аномального развития и о свободе как основной характеристике человеческого бытия. Утверждается, что Выготский не стремился к элиминации конкурирующих теорий (в частности, психоанализа), но поддерживал диалог с ними и способствовал прояснению их оснований.

Ключевые слова: психоанализ, культурно-историческая психология, вершинная психология, теория сознания, смысл, динамическая смысловая система, свобода, норма.

Проблема исследования отношений между теориями Выготского и Фрейда

В неопубликованной записной книжке «Конференция по исследовательским темам. 27–29 октября 1933 г.» Выготский, намечая план дальнейшей работы, заявлял: «Перспективы: сохранение основного положения Freud'a (психоневроз — результат неудавшегося вытеснения, конфликт Я и Оно, высших и низших слоев психики в новой системе): Freud рассматривает сознание в свете учения о бессознательном; мы — бессознательное в свете учения о сознании. *Новая теория детского психоневроза*. Ни открывать наново Америку, ни считать ее неоткрытой. Кто хочет строить научную психологию, должен идти другим путем: Фг. не дал учения о сознании; нельзя просто дополнить Фг. учением о сознании; надо его факты и теории перестроить в новом целом»¹.

Этот тезис, высказанный при обсуждении доклада психоаналитика В.Ф. Шмидт на «внутренней конференции», является свидетельством из первых

рук, выражающим отношение Выготского к теории Фрейда. Указанная в тезисе задача — переосмысление психоанализа в контексте культурно-исторической теории — была обозначена Выготским еще в 1925 г. в предисловии к книге Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» (совм. с А.Р. Лурией [18]). Анализируя предисловие, Р. ван дер Веер замечает, что для его авторов единственным «приемлемым вариантом аннексии» являлось изучение базовых принципов психоанализа и их проверка в свете собственной теории, однако конкретный способ такой аннексии оставался неясным [34, с. 60]. В нашем исследовании мы попытаемся показать, каким образом данная задача, заявленная в 1925 г. как чистая декларация намерений, постепенно перешла в разряд решаемых, а полемика Выготского с Фрейдом достигла уровня потенциального соперничества научных программ.

Обсуждение отношения Выготского к психоанализу представляется важным в силу следующих причин. Прежде всего, Выготский и Фрейд заложили основы двух крупнейших направлений, каждое из ко-

Для цитаты:

Завершнева Е.Ю. Выготский vs Фрейд: о переосмыслении психоанализа с точки зрения культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 14–25. doi:10.17759/chp.2016120402

* Завершнева Екатерина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент факультета клинической психологии, Московский государственный медико-стоматологический университет имени А.И. Евдокимова, Москва, Россия. E-mail: zavr71@yandex.ru

¹ Здесь и далее все шрифтовые выделения в цитатах принадлежат авторам цитат.

торых имеет выход в метапсихологию и является, по существу, антропологической практикой. В отличие от ряда других концепций, где изучаются функции или процессы переработки информации, т. е. «частичный человек», разъятый на элементы и рассматриваемый вне измерения смысла, в этих системах предпринята попытка построения онтологии человека, теоретического понимания его «второй природы» и ее направленного формирования посредством воспитания или терапии. Однако фундаментальные различия в основаниях подходов делают невозможным их бесконфликтное объединение в рамках общепсихологической теории, к созданию которой стремился Выготский. В цитированном выше тезисе по докладу Шмидт, как и в более ранних тезисах «Проблема сознания» (5.12.1932; [12, с. 156–167]), теории Выготского и Фрейда противопоставлены друг другу как полярные системы — вершинная и глубинная психологии. Арифметическая операция сложения глубин и вершин в итоге даст ноль (см. критическое отношение Выготского к фрейдомарксизму [12, с. 330–331]), поэтому вопрос о том, на каких основаниях возможен диалог между этими подходами, остается открытым.

Несмотря на высокую значимость темы отношений между психоанализом и культурно-исторической психологией, ее исследования весьма немногочисленны. Причиной этого является, с одной стороны, объективная трудность методологической работы по соотнесению двух концепций, основания которых не до конца прояснены и уходят за пределы психологии в философию. С другой стороны, анализу препятствует недостаточная изученность поздних работ Выготского, в особенности, исследований смысловой динамики сознания. Ни в одной из найденных нами статей, где проводятся параллели между психоанализом и подходом Выготского [19; 32; 33; 35 и др.], последний не представлен как единое целое, в его финальной версии 1932–1934 гг.; для большинства авторов вклад Выготского в психологию ограничивается теорией знакового опосредствования и монографией «Мышление и речь». Однако следует отметить и положительную тенденцию: центральная тема пересечений между данными концепциями — роль языка и социума в развитии личности — так или иначе обсуждается всеми авторами.

Характерно, что указанные исследования проводились, в основном, на Западе в 1990-х гг. (вероятно, в рамках Vygotsky-boom, связанного с выходом собрания сочинений Выготского на английском языке). Как правило, идеи Выготского выступают в них в роли эвристик, проецируемых на теоретические положения психоанализа или на проблемы взаимоотношений аналитика и пациента². Несмотря на разнообразие тем, эти исследования являются «стыковыми»: в них изучаются связи между подходами на уровне отдельных вопросов. Единственное ис-

следование, которое созвучно задаче, обозначенной самим Выготским в 1930-х гг., предпринято в статье Е.В. Улыбиной, где рассматривается перспектива «построения единого теоретического пространства, в котором дальнейший содержательный анализ позволяет, в частности, рассматривать феномены, описанные Фрейдом, с точки зрения культурно-исторической психологии» [28; с. 72]. Однако и здесь присутствует та же смещенная оптика: к анализу привлечены работы «инструментального периода», тогда как более поздние труды Выготского — и вместе с ними теория динамических смысловых систем — остались вне поля зрения автора. В итоге наиболее значимые параллели между подходами остаются за кадром, что приводит к существенной неполноте исследования, содержащего, однако, ряд интересных идей, высказанных не только в связи с ортодоксальным психоанализом, но и в отношении его лакановской версии.

Не подвергая сомнению ценности «стыковых» исследований, мы предлагаем иной — по сравнению с общей линией зарубежных исследований — аспект рассмотрения проблемы; мы проанализируем динамику отношения Выготского к теории Фрейда, опираясь на опубликованные и неопубликованные источники, а затем перейдем от исторического к теоретическому плану переосмысления психоанализа с позиций культурно-исторической психологии.

Динамика критического отношения Выготского к психоанализу в 1925–1931 гг.

Полемика Выготского с психоанализом отличается рядом особенностей, свидетельствующих об исключительном положении Фрейда в оппонентном круге Выготского. Дискутируя с представителями других научных систем, Выготский вживается в ход мысли своего оппонента, следует за ним, выявляет точки роста теории, чтобы затем эффективно опровергнуть ее и дать свое, более эвристичное объяснение тем же фактам или закономерностям, полученным в рамках рефлексологии, гештальтпсихологии, теорий В. Штерна, Ж. Пиаже, К. Коффки, К. Левина и других. И только в случае с психоанализом мы не наблюдаем этой интеллектуально острой и эмоционально заряженной игры (исключение составляет разве что «Психология искусства»). Дело даже не в том, что ее открытая фаза возникла слишком поздно; к примеру, решающие аргументы в споре с Коффкой по вопросам детского развития появились в одной из последних статей Выготского [12, с. 238–290], аналогичная ситуация имела место и в споре с Левином [10]. Дело в другом: в опубликованных работах Выготского практически отсутствуют попытки вести игру на поле оппонента, примерить на себя

² Особо отметим серию исследований А. Wilson и L. Weinstein, в которой анализируются связи между понятиями «трансфер» и «зона ближайшего развития», внутренняя речь рассматривается как средство общения между аналитиком и пациентом, а представления Выготского о природе речевого мышления применяются для расширения топографической модели бессознательного [37; 38; 39].

его мысль, разыграть ее, доведя до абсурда там, где будет располагаться основная линия атаки, и найти зерно истины в шелухе ложных гипотез. Вплоть до переломного 1932 г. Выготский ограничивается «дежурной» критикой в адрес психоанализа, которая не создает моментов конфронтации, присущих критике других подходов.

Начало полемики можно отнести к 1925 г., когда Выготский впервые высказывает свое отношение к работам Фрейда, причем его отзывы являются скорее хвалебными, чем критическими. В вышеупомянутом предисловии к книге Фрейда, в статье Лурии «Психоанализ как система монистической психологии» [26], а также в более поздней аналитической записке «К вопросу о психоанализе и марксизме» (семейный архив Л.С. Выготского), которую Выготский и Лурия направили в Российское психоаналитическое общество и Психологический институт в апреле 1927 г. (рис. 1), разработка психоанализа в рамках марксистской идеологии настоятельно рекомендовалась авторами как перспективная область исследований. Прочитируем заключительный пассаж записки, где в качестве положительных аспектов психоанализа выделялись: «... динамическое понимание психических процессов (вытеснение в бессознательное, превращение аффектов, влияние влечений на психические процессы, сублимация и т. п.); материалистическое по существу рассмотрение всей психической жизни как развивающейся на основе первичных материальных (сводимых в итоге к физико-химическим процессам) потребностей-влечений; детерминизм в объяснении психики и, наконец, попытки дать объективное построение психических понятий на основе изучения бессознательных процессов». Однако вскоре позиция Выготского меняется, и он подвергает резкой критике не только статью Лурии, но и сходные по замыслу работы Залкинда и Фрийдмана [12, с. 328–333]. «Объективность» Фрейда исчезает

из списка его сильных сторон, как и «монизм», и «сквозной социологизм» его теории, а «материализм по существу» отныне становится материализмом факта, который всегда искажен в психоанализе идеалистической трактовкой этого факта.

Первая и последняя попытка открытой конфронтации с психоанализом в работах, опубликованных при жизни Выготского, прослеживается в гл. IV «Психологии искусства», где главной мишенью критики является ошибочное сведение творчества к сублимации. Спектр критических замечаний чрезвычайно широк, концепции Фрейда противопоставляется собственная точка зрения, отраженная в теории катарсиса, искусства как социального чувства и т. д., однако «аннексированная территория» сводится к одной закономерности: Выготский высоко оценивает фрейдовское истолкование феномена остроумия в энергетическом и экономическом аспекте и заявляет, что результаты его исследования находятся в известном соответствии с этим истолкованием, хотя сама энергетическая метафора представляется ему «несколько произвольной» [11, с. 294]. Масштабной аннексии не происходит: несмотря на то, что вся «Психология искусства», по сути, и есть *другое объяснение творчества*, Выготский занят не столько опровержением противника, сколько построением своей теории.

Критика Фрейда в «Психологии искусства» заметно контрастирует с предисловием к его книге, написанном в том же году. Судя по всему, в процессе написания «Психологии искусства» несовместимость психоанализа с марксистской психологией стала очевидной для Выготского; кроме того, как мы указывали ранее, «Психология искусства» могла дорабатываться в 1926 г., а в середине того же года появились первые тезисы культурно-исторической теории и русло собственных исследований было найдено [22]. Так или иначе, перемена происходит, и другим ее источником, вероятно, послужили работы В.Н. Волошинова [3; 4], в которых критикуется не только Фрейд, но также Лурия, Залкинд, Фрийдман и другие фрейдомарксисты³. Отношение Выготского к теории Фрейда становится более сдержанным и вплоть до 1932 г. Выготский предъявляет ей следующий набор критических замечаний:

1) антиисторизм, отраженный в трактовке развития как эпигенеза [11, с. 105–106; 16, с. 161–162];

2) натурализм теории, рассматривающей «психику человека как чисто природный естественный процесс» [11, с. 103–104, 319; 14, с. 19–20];

3) двойственность подхода: Фрейд действует как материалист, когда он стоит на почве фактов и стремится к их детерминистическому объяснению, и как идеалист, когда пытается интерпретировать факты исходя из философских концепций Шопенгауэра, Липпса и Гербарта [см., например: 12, с. с. 136, 145–146, 332; 13, с. 25];

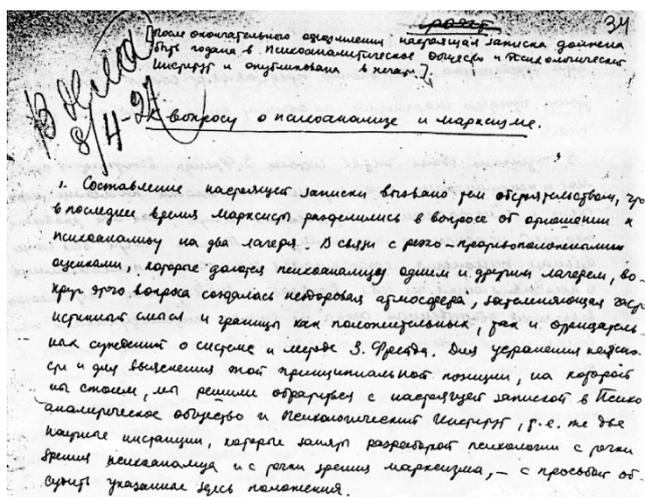

Рис. 1. «К вопросу о психоанализе и марксизме». Фрагмент рукописи, с. 1

³ О том, что Выготский был знаком с трудами Волошинова, свидетельствует ссылка на последнего в статье «Психика, сознание и бессознательное» [9, с. 61], снятая при публикации статьи в собрании сочинений.

4) принятие частных закономерностей за всеобщие [11, с. 103; 12, с. 117–118; 6, с. 1033]; это возражение затрагивает проблему нормы в психологии [см.: 12, с. 293] и указывает на то, что в психоанализе невротический сценарий развития принимается за тип, а норма — за редкую разновидность;

5) темнота научного языка, путаница в системе понятий [12, с. 333, 335];

6) «малая убедительность фактических подкреплений» [там же], означающая не дискредитацию фактического материала, но слабость и спекулятивность объяснительных гипотез [например, о триаде черт анального характера см.: 16, с. 161];

7) и, конечно, пансексуализм и фиксированность символики — наиболее общее место в критике психоанализа за все время его существования [11, с. 103–104; 17].

В известной степени эта критика была стандартной, т. е. воспроизводила распространенные возражения против психоанализа. В те годы назвать «буржуазного» психолога идеалистом — значило почти наверняка не сообщить о нем ничего нового или сколько-нибудь содержательного; «двойственность» же была универсальным контраргументом Выготского, обращенным против любой теории оппонентного круга: она указывала на проявление кризиса в психологии, явно или неявно разделенной на два идейных лагеря⁴. Область, в которой Выготский к 1930 г. мог противостоять Фрейду аргументировано, очерчена пунктами 1 и 2, поскольку в рамках «инструментальной психологии» он уже создал теорию развития ВПФ, объяснявшую процесс трансформации натуральной психики на основе представлений об инструментальном акте; он мог противопоставить свой генетический метод антигенетику психоанализа и по-иному интерпретировать роль социума в развитии ребенка. Однако на рубеже 1920–1930-х гг. Выготский этого не сделал.

Элементы противостояния имеются в «Истории развития высших психических функций» (написанной не позднее 1930 г.), где Выготский не только дал краткую — на одной странице — критику психоанализа в связи с его натурализацией высшей психики и недооценкой роли культуры в развитии человека, но и изложил свою концепцию развития. Однако и здесь Выготский, скорее, решает собственные задачи: аргументы не адресованы Фрейду, в основной части монографии он лишь дважды бегло упомянул, а единственный фрагмент полемики, который можно принять за «аннексию» фактов, относится к обсуждению природы инфантильной амнезии [14, с. 321; см. также: 12, с. 148]. Характерно, что только этот факт из арсенала психоанализа понадобился Выготскому при обсуждении ключевого вопроса о роли речи в развитии психики.

По-видимому, открытая полемика с Фрейдом не входила в планы Выготского, да и не могла состояться по объективным причинам. Теория развития ВПФ на тот момент распространялась преимущественно на познавательные функции и затрагивала аффективно-волевою сферу только по касательной. Теории высшего аффекта у Выготского не было, не существовало ни периодизации развития, которая появится в 1930-х гг., ни тем более теории личности, которую он так и не создал в явном виде. «Педология подростка» (1931) свидетельствует о появлении новых исследовательских интересов в области клинической психологии, однако приводимый в ней фактический материал по истерии, шизофрении и прочим заболеваниям заимствуется у других авторов. Заметим, что публикации 1930–1931 гг. не отражают того факта, что Выготский, уже имеющий в активе многолетние исследования аномального детства (слепоглухонемые, умственно отсталые дети), в эти годы интенсивно работает в клинике и наблюдает детей с невротическими, психотическими и прочими диагнозами. Подчеркнем, что до сих пор в литературе о Выготском не упоминалось ни одного случая из его практики, однако записная книжка «Клиника ЭДИ» (1931) содержит описания 37 историй болезни; в данном документе детально представлены два случая (Коля С., Наум П.), в которых Выготскому удалось снять с пациентов психиатрический диагноз и заменить его на диагноз «задержка развития». Оба случая иллюстрируют пробное практическое приложение будущей «вершинной психологии»: отправной точкой является личность пациента, возможности ее роста и компенсации дефекта путем развития культурной надстройки, реорганизации системы ВПФ, в том числе третичных связей и связей характера⁵.

Наряду с формальной критикой Выготский неизменно выражает свое уважение к оппоненту в столь же сдержанных, сколь и красноречивых указаниях на достижения психоанализа. Признание заслуг Фрейда со стороны Выготского, на наш взгляд, более информативно, чем критика недостатков, ибо оно в большей степени указывает на те научные задачи (строгая причинность, генетическая теория аффекта, характера, личности), которые у них совпадали при всей разнице в базовых установках. Психоанализ, по мнению Выготского, был прогрессивен по ряду аспектов, среди которых особо выделяются:

1) исследование проблемы соотношения биологического и социального в развитии личности, представление о характере как о надстройке над системой влечений, имеющей социальное происхождение [11, с. 29; 12, с. 96; 18]; 2) разработка принципа

⁴ Закономерным образом Выготский впоследствии обнаружит признаки двойственности не только в «инструментальной» версии своей концепции, но и в более позднем ее варианте [21; с. 124, 129].

⁵ В том же 1931 г. состоялся и первый из известных нам «внутренних» докладов В.Ф. Шмидт, посвященный психоаналитической теории эмоций, которому Выготский активно оппонирует, заявляя об ошибочной стратегии Фрейда, напрямую выводящего высшие эмоции из влечений (записная книжка «Аномальное развитие ребенка», 1931).

детерминизма и опирающегося на него косвенного метода, в котором, по мнению Выготского, нуждалась современная ему психология: «Попытка Фрейда заключается в тенденции продолжить осмысленные связи и зависимости психических явлений в бессознательное, предположить, что за сознательными явлениями стоят обуславливающие их бессознательные, которые могут быть восстановлены путем анализа следов и толкования их проявлений» [12, с. 136]; 3) теоретическое освоение новых областей (бессознательное, влечение к смерти), сопровождающееся вниманием к «аномалиям», т. е. фактам, которые поначалу ставят теорию под удар, но впоследствии приводят к ее обновлению (например, сны травматических невротиков) [11, с. 109; 12, с. 92, 336; 14, с. 59; 18]; 4) изучение эмоций в их развитии [13, с. 428–429].

Однако наиболее красноречивым фактом в этой полемике является не критика и не признание заслуг, а умолчания. На наш взгляд, самое существенное умолчание касается попыток Фрейда работать со смысловой сферой своих испытуемых с помощью речи (единственное упоминание об анализе осмысленных связей см. в приведенном выше списке, в п. 2). Выготский утверждает, что с теоретической точки зрения здесь находится слабое место психоанализа, представители которого пытаются воздействовать словом на бессознательное, т. е. на область, заявленную в теории как совокупность процессов, недоступных для вербализации [12, с. 148]. Это возражение остается нераскрытым: оно требует дополнительного комментария, которого Выготский здесь не дает. Напомним, что речь в психоанализе рассматривается в качестве посредника, который позволяет бессознательному прорастать побегими («отпрысками») в сознание [29, с. 181–182], она же создает буферную зону предсознательного и фактически является средством преобразования первой природы во вторую. Современная психология отмечает здесь точку соприкосновения между подходами, однако у Выготского встречается только одно косвенное указание на это обстоятельство: «Фрейд, как и Пиаже, совершенно правильно держится той точки зрения, что речь играет чрезвычайно важную роль в акте осознания» [8; с. 244–245]. Возможно, умолчания обусловлены тем, что именно по линии речевого опосредствования и проходила главная ось соперничества подходов. В отношении речевой природы сознания Выготский располагал отдельными догадками, сложившимися воедино только в 1932 г., и с этого момента в критике психоанализа появляется решающий антитезис.

Переход полемики Выготского с Фрейдом в стадию противостояния научных программ (1932–1934)

Начиная с 1932 г. в опубликованных работах и лекциях Выготского в центр полемики попадает гипотеза первичного аутизма ребенка, онтогенетическое пер-

венство принципа удовольствия и противопоставление его принципу реальности [13, с. 36–37, 403, 442; 15, с. 313–314], а психоаналитическая теория, помимо более раннего эпитета «метафизическая», приобретает новый эпитет: «солипсихическая». Выготский по-прежнему уходит от столкновения с Фрейдом, полемизируя с его «заместителем» Пиаже, который, по мнению Выготского, заимствует у Фрейда выше-названные гипотезы, чем значительно ухудшает свои теоретические позиции. Однако в ряде случаев собственная точка зрения напрямую противопоставляется психоаналитической: ребенок рассматривается как изначально социальное существо, находящееся в непрерывном взаимодействии с реальностью; в контексте полемики с психоанализом эту точку зрения подкрепляют, в частности, исследования эгоцентрической речи. Впервые открытое опровержение получает и «репрессивная» гипотеза влияния социума и культуры на развитие ребенка; психоаналитическому пониманию среды в ее функции давления и ограничения [13, с. 67] противопоставлено понимание развития как сотрудничества ребенка со взрослым. Собственные наработки по линиям прежней критики (антигенетизм, натурализм теории Фрейда) в ход идут крайне редко, к примеру, в дискуссии по проблеме высших эмоций [13, с. 434–436], где позиции Выготского настолько сильны, как в отношении других психических процессов. Любопытно, что он продолжает пунктирную «контактную борьбу» в горячих точках собственных исследований (это касается и психологии развития: в последние годы жизни Выготский только переходит к изучению его *внутренней детерминации* и вводит фундаментальные категории зоны ближайшего развития и переживания). В частности, Выготский заявляет об игнорировании Фрейдом роли мышления в формировании личности и указывает, что развитие высшего аффекта невозможно объяснить без привлечения к анализу межфункциональных связей аффекта с мышлением, воображением и речью [13, с. 436, 446].

По мере того, как критика Фрейда в печати постепенно сходит на нет, полемика с ним, необходимая для стимуляции собственной мысли и отраженная в личных записях Выготского, только усиливается. Он штудирует недавно изданное продолжение фрейдовских лекций по введению в психоанализ [31] (рис. 2), проводит внутренние конференции, посвященные теории Фрейда (1931, 1933), и, самое главное, обнаруживает те точки опоры, на которых строит конкурирующее объяснение, не прибегая к аннексии психоанализа, но находясь на пульсирующей линии контакта с ним.

Например, в тезисах по первому докладу Шмидт (проблема эмоций, 1931) Выготский перечисляет свои разногласия с Фрейдом: «1. Недоразвитие = приостановка. 2. Антисоц. развитие. 3. Патол. формы эмоции. 4. <...> Мышл. на службе эмоций!!!» (ср. фрагмент из «Педологии подростка» с указанием на то, что при неврозе интеллект и воля находятся в подчинении у аффекта [15, с. 168]), а также дает свое объяснение ключевым — с точки зрения психоанализа — механизмам развития: «Вытеснение: эмоц. вы-

ключается из сознания. Сублимация: эм. есть, цель другая. Ср. системы и сублимация, вытеснение: там доля правды — в перенесении в разные системы». Однако конкретная программа появляется позднее, когда Выготский намечает общие контуры теории сознания. В заметках по второму докладу Шмидт («Проблема развития ребенка-психоневротика», 1933) он предлагает свой антитезис к фрейдовским представлениям о природе бессознательного: «3. Глубинная — поверхностная — вершинная психология. — Внешний мир — враждебная внешняя сила или источник высшего развития (идеальные формы). — Доминирование ранних стадий развития. — Заимствованный свет бессознательного. — Развитие у Freud'a — реализация, модификация и комбинация задатков. Новообразования. <...> 9. Основные положения вершинной (акмеистической) психологии contra Tiefenpsychologie [глубинная психология] (иногда *implicite* заключенные в последней, но развитые нами *explicite*): отношение Я к Оно, нарушенное в психоневрозе, есть производное от развития (сознательного) Я и его отношения к внешнему миру; contra Lust- und Realitätsprinzip [принципы удовольствия и реальности]: их единство; contra натурализм и метафизика — про историзм (очеловеченная природа); бессознательное возникает из развития сознания; осознание аффекта; неподвижность аутистического мышления; не глубинные, а вершинные закономерности определяют судьбу личности; contra история высшего из сублимации; contra сознание = восприятие» [ср.: 12, с. 166].

Какие новые положения концепции Выготского дают основание для столь решительных заявлений?

Главной инновацией был принцип смыслового строения сознания, введенный в 1932 г.; на его основе и разрабатывается теория сознания, замысел ко-

торой фрагментарно отражают как опубликованные работы («Мышление и речь», «Проблема сознания» и др.), так и записные книжки. Реконструируя этот замысел, можно сказать, что сознание рассматривается как способ активного отношения к среде и одновременно как особый формат связи психических процессов. Выготский сохраняет принцип знакового опосредствования в составе новой теории; он утверждает, что этот специфически человеческий тип отношения к среде возникает при использовании знака, но если ранее его интересовала внешняя структура знаковой операции, то в последние годы жизни он занимается преимущественно ее внутренней стороной — значением. Выготский показывает, что осмысление мира становится возможным благодаря союзу речи и мышления, который позволяет видеть мир как целое, где каждое событие воспринимается в закономерной связи с другими событиями (сознание — «знание в связи» [12, с. 165]). Богатство наших представлений о мире, их упорядоченность и соответствие реальности определяются уровнем развития значений слов: «Ступени речи — ступени абстракции — ступени сознания» (запись «Мои замечания», предп. 1933 [см. также: 27, с. 116]) Внутренний мир также строится посредством реорганизации природных психических процессов; он становится все более обширным и дифференцированным по мере того, как человек познает внешний мир и взаимодействует с другими людьми [подробнее см.: 20; 40]. В категориальном аппарате Выготского появляется и понятие «смыслового поля», которое определяется как семантический план обобщения; исследуя его генетически, Выготский показывает, каким образом оно выполняет на разных ступенях развития свою главную функцию опосредствования отношения человека к миру и самому себе [5; 26], в частности, позволяет осуществлять операции превращения текучей динамики мысли в динамику действия и является основой волевого поведения [подробнее см.: 23].

Расширяя возможности своей теории, Л.С. Выготский также перерабатывает левиновский метод формально-динамического анализа и его представления о развитии личности. В ряде исследований Выготский и его сотрудники дают схематические описания строения личности и динамики ее поведения, опираясь на левиновские методы диагностики, модифицированные под собственные задачи [1; 10; 27 и др.]. В этих работах выделено несколько планов анализа — аффективные системы, смысловое поле, практическое действие — и показано, что они определяются общими закономерностями как в структурном, так и в динамическом аспекте. Динамические процессы, связывающие эти планы, описывает модель свободного осмысленного действия, включающего три основных фазы: «1) превращение динамики психологического поля, динамики ситуации в динамику мышления; 2) развитие и развертывание динамических процессов самой мысли, ее обратное превращение в динамику действия; 3) действие, преломленное через призму мысли, превращается уже в другое действие, осмысленное, осознанное и, следовательно, произвольное и свободное» [10, с. 444].

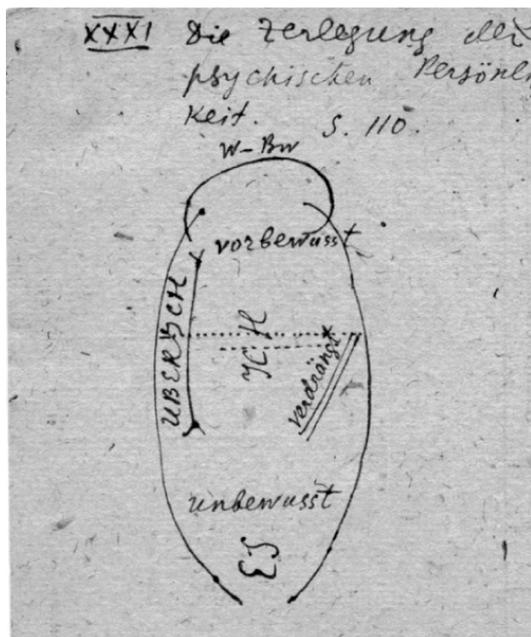

Рис. 2. Конспект книги З. Фрейда «Neue folge der vorlesungen zur einfuehrung in die psychoanalyse» (1933), написанный Л.С. Выготским. Фрагмент (с. 3)

В этой модели аффект выступает в качестве энергетической основы свободного действия, а центральной характеристикой человека, его специфическим отличием от животного, становится сама способность быть свободным. Психологически она понимается как способность «встать над полем» — не только над внешним, но и над смысловым полем и собственным аффектом. Отраженный в понятиях, аффект осознается, преобразуется и связывается вторичным образом с другими психическими процессами в новую психологическую систему. По сути, это и есть процесс, лежащий в основе формирования личности, которая развивается по мере «оречевления» природных процессов и получает возможность выстраивать себя как иерархию третичных связей сознания. Таким образом, свобода поведения вводится в теорию как фундаментальная характеристика человеческого бытия. Это положение, граничащее с чистой философией, и определяет онтологию человека в культурно-историческом подходе: оно задает представление о норме, которое является точкой отсчета для исследований аномального развития.

Именно утратой свободы поведения характеризуются все отклонения от нормы, включая невротические и психотические расстройства. Наиболее тяжелые формы утраты этой способности свойственны шизофрении, которая определяется как «... патологическое изменение смыслообразования (смысловой системы связей и организации сознания) и нарушение межфункциональных связей внутри сознания» (запись «К проблеме психологии шизофрении», не ранее 1932), вызванные распадом речевого способа общения человека с миром и самой собой. В последний год жизни Выготского его научная группа успевает провести исследования некоторых нозологических форм [1; 7; 27 и др.]; методологически эти исследования также выстроены с точки зрения вершинной психологии: особенности функционирования аффективных систем, структура личности пациентов, характер их практического взаимодействия с реальностью (типы структур, их дифференцированность, проницаемость границ, тугоподвижность или, наоборот, патологическая лабильность динамических процессов) изучались в своей специфике, сравнивались между собой, но сама специфика болезни выявлялась на фоне нормы [подробнее см.: 24].

Очевидно, что введение вышеназванных категорий и методов заметно усиливало позиции Выготского в дискуссии с психоанализом. В отличие от фрейдовской онтологии, которая описывает невротическую личность в том или ином модусе несвободы, вынужденную искать компромисс между требованиями среды и собственными влечениями, Выготский предложил иную точку зрения на человека, все закономерности развития которого так или иначе связаны

со способностью быть свободным. В этой онтологии фрейдовский «идеал человека» может рассматриваться как искаженный вариант нормы, поскольку бегство в болезнь становится возможным только как срыв свободного решения. Казалось бы, здесь возникает область потенциальной реинтерпретации фрейдовских положений с позиции культурно-исторического подхода (как положений «частного случая» по отношению к общим закономерностям), однако говорить об этом нужно с предельной осторожностью, поскольку подобные вопросы в науке не решаются на уровне высших принципов: сталкиваться должны не философские концепции, а научные гипотезы (см.: И. Лакатос о невозможности прямого опровержения твердого ядра научных программ [25]). Кроме того, взаимосвязь нормы и патологии — один из труднейших вопросов, не имеющих решения и по сей день⁶.

Заметим, что для Выготского ответить на вопрос о том, почему один человек оказывается свободным, а другой — нет (перефразируя психоаналитически: почему один выбирает путь сублимации, а другой уходит в болезнь) — не значит сослаться на аксиому о свободе, но рассмотреть развитие личности генетически: «Свобода не дана, а задана. Она ... достигается в трудной внутренней борьбе. <...>. Она не в начале, а в конце пути человека» (запись «К Спинозе», предп. 1933). Положение о свободе получает обоснование из других принципов твердого ядра концепции Выготского, в частности, положения о том, что человек становится человеком (синонимично: становится свободным) постольку, поскольку он учится говорить и мыслить (точнее, мыслить, говоря). Речь создает каркас для существа человека; пронизывая его мысль, речь выводит ее к существованию и дает человеку возможность сбываться в мысли и в поступке. И здесь обнаруживается еще одно потенциальное поле диалога с психоанализом (в особенности, с его лакановской версией).

Неоднократно отмечалось, что психоанализ, по сути, представляет собой рациональную терапию осознанием, однако в его объяснительных схемах как мышление, так и само осознание вынесено за скобки как постоянная величина: оно используется, но не исследуется. Приведем цитату из записи «Молнии Спинозовской мысли» (не ранее 1932), в которой Выготский связывает свою позицию с философией Спинозы: «Фрейд — лечение осознанием, связь с аффектом и влечениями. [На полях пометка со стрелкой к слову «Фрейд»]: Наши исследов. о понятии по спиноз. линии. <...> Понятие аффекта есть активное состояние и есть свобода. Свобода: аффект в понятии» [подробнее см.: 24, с. 91–93]. Именно этот пласт опосредствования в теории Фрейда не представлен, не изучался и вопрос о том, почему речь способна производить изменения в психике пациента.

⁶ В 1931 г. Выготский, выступая с докладом «О связи между современной психологией и психопатологией», в котором обсуждался принцип единства закономерностей развития и распада психики, столкнулся с резкой критикой коллегии экспертов (записная книжка «Аномальное развитие ребенка»); входившие в нее известные психиатры С.В. Крайц, И.Д. Сапир, Б.Д. Фридман единодушно заявили, что общих законов у нормы и патологии нет, а специфика болезни не может быть целиком выведена из нормы — и в этом была доля истины.

Данное обстоятельство напоминает, в частности, о характеристике П. Рикера, называвшего психоаналитическую теорию «наивным энергетизмом», а ее язык описания — «языком ментальной гидравлики», а также о высказывании Л. Бинсвангера, считавшего психоанализ знанием, не осознающим своего логоса. Мнение Бинсвангера разделял и Выготский [12, с. 335]), который поставил сознание и речевое мышление в центр своей концепции и исследовал их экспериментально.

Рассматривая развитие высшей психики через призму смысловой динамики, Выготский распространил «вершинную» точку зрения и на проблему детерминизма. Еще в 1930 г. он обсуждал прогрессивное значение теории Адлера, которому удалось показать, что цели могут быть более значимыми детерминантами, чем причины [17, с. 75] (ср. известное высказывание В. Франкла: «... причины толкают, цели притягивают»). Психолог должен понимать не только *почему* невротик уходит в болезнь, но и *зачем* он это делает, в частности, ответить на вопросы, связанные с детерминацией развития, идущей как из прошлого и настоящего, так и из будущего. В подходе Выготского эта детерминация задана через концепцию ЗБР и представление об идеальной форме развития.

Признавая центральную посредническую роль слова в становлении человека, Фрейд и Выготский предлагают диаметрально противоположные представления о его вхождении в культуру: в психоанализе акцентируется ее травмирующая сторона, связанная с утратой объекта желания и последующими поисками утраченного, в культурно-исторической психологии — ее поддерживающая сторона, раскрытие и преобразование бытия человека в слове и в сотрудничестве с другими людьми. Социум, по мнению Выготского, является важнейшим *источником*, генерирующим как средства развития, так и его образцы [2, с. 122—123; 8, с. 83—88]. Сотрудничество ребенка со взрослым в ЗБР отнюдь не беспроблемно, оно столь же драматично, как и само развитие, поскольку ни средства, ни образцы не заимствуются личностью автоматически. Преломление влияния, идущего извне, возможно только через внутреннее, через переживание, которое выступает в подходе Выготского в качестве единицы исследования личности и ее социальной ситуации развития. Добавим, что личность определяют события *значимые*, не сводимые без остатка к детским травмам или травмам вообще, и что формирование личности продолжается и во взрослом возрасте, где в идеале оно совершается в поступке, основанном на свободном выборе.

И тем не менее, даже с учетом всех нововведений говорить о полномасштабной дискуссии с психоанализом преждевременно. Теория сознания как динамической смысловой системы и представление о свободном осмысленном действии были даны Выготским эскизно, их реконструкция потребовала от нас тщательной «сборки» отдельных положений, рассеянных по публикациям и личным записям. Можно сказать, что последняя версия подхода Выготского осталась в начальной стадии разработки.

В ней по-прежнему отсутствуют явно сформулированные теории аффекта (т. е. эмоций и мотивации) и личности, без которых полемика с психоанализом невозможна, как и без развернутых гипотез о природе бессознательного; в практическом аспекте нельзя не отметить проблему психотерапевтических приложений. Кроме того, сопоставлять подходы сложно еще и потому, что их архитектоника до конца не прояснена. В идеале, для того чтобы привести эти подходы в соприкосновение, необходимо воссоздать их метапсихологические постулаты, базовые теоретические положения, операционализирующие их гипотезы среднего уровня, наблюдательные техники и практики, однако эта задача представляется трудновыполнимой. И все же мы как минимум можем задаться вопросом о том, что именно Выготский мог противопоставить топической, динамической и экономической модели психики, предложенной Фрейдом. Выводимо ли из работ Выготского другое объяснение природы бессознательного и его основных симптомов (невроза, парапраксиса и сновидений)? Способна ли его точка зрения дать теорию психозов, имеющую большую объяснительную силу, чем концепция вторичного нарциссизма? Эти вопросы выйдут за рамки данной статьи, однако мы планируем обсудить их в продолжении нашего исследования.

Заключение

Предпринятый в данной работе анализ показал, что специфика отношения Выготского к теории Фрейда отражала совпадение их исследовательских интересов и стремлений построить науку, опирающуюся на генетический анализ становления личности. Если принять во внимание и другие пересечения, касающиеся социальной природы личности и роли речи в ее развитии, становится понятным, почему Фрейд был одной из важнейших фигур оппонентного круга Выготского. Мы показали, что динамика отношения Выготского к психоанализу определялась внутренней логикой развития культурно-исторической психологии, и что это отношение приобрело черты противостояния научных программ в 1932—1934 гг.

Пространство для полемики между подходами возникло благодаря энергетической метафоре, которую Выготский использовал в качестве методологического «моста»: сначала в «Психологии искусства», затем в работах, реинтерпретирующих ряд положений теории Левина. Мы не знаем, планировал ли Выготский сохранить данную метафору в составе своей научной программы или применял ее как средство *ad hoc*, однако ее прогрессивная роль очевидна, поскольку она способствовала возникновению диалога — фактически, полилога, — в котором заочно участвовали три ведущих психологических подхода того времени. И все же нельзя не отметить, что она вызывает ряд вопросов философско-методологического характера относительно своей применимости в психологии, как и поле-

вая метафора, послужившая мостом между теориями Выготского и Левина [20, с. 123–126].

Добавим, что диалог Выготского с другими научными системами развивался по схеме, предложенной в его ранних методологических работах, где отрицалась возможность прямой аннексии территорий других научных систем: «Кто берет чужой платок, берет и чужой запах; кто берет у психоаналитиков — учение о комплексах Юнга, катарсис Фрейда, стратегическую установку Адлера, — тот берет и добрую долю запаха этих систем, т.е. философского духа авторов» [12, с. 329]. За каждым фактом и закономерностью, согласно Выготскому, стоит не просто наблюдательная техника или эмпирическая гипотеза, но и теория в целом. С этой точки зрения, резонно задать вопрос о том, насколько необходим захват теории, построенной на «репрессивной» версии культуры, при наличии собственной концепции, где роль культуры понимается принципиально иначе? Подлежит ли аннексии, к примеру, история маленького Ганса, в которую неустрашимым образом вплетены неприемлемые с точки зрения культурно-исторического подхода постулаты и интерпретации? Как показывает анализ работ Выготского, случаи открытой аннексии психоаналитических областей в них единичны (инфантильная амнезия, остроумие); они относятся, скорее, к защитному поясу теории оппонента, чем к его ядру, или ограничиваются техническими принципами вроде принципа вытеснения или регресса. Но даже эти факты и принципы, минимально нагруженные идеологически, не заимствуются в неизменном виде, но подвергаются переосмыслению и «снятию», т.е. получают новую интерпретацию с точки зрения культурно-исторической психологии.

Подчеркнем, что полемика Выготского с Фрейдом, Левином и другими оппонентами представляет собой образец взаимодействия подходов, практически не имеющих аналогов в истории психологии. Давно замечено, что развитие психологии заметно отклоняется от схем, предложенных, к примеру, Поп-

пером или Лакатосом: научные программы не сражаются за лучшее объяснение и не вытесняют друг друга. В целом для психологии характерна скорее ситуация схизиса (Ф.Е. Василюк), когда контакты между отдельными направлениями не являются интенсивными, а критический эксперимент — обычной практикой. Несмотря на то, что аномалии играют значимую роль в развитии научных программ, они не приводят к элиминации теорий даже в самых вопиющих случаях (см. вопрос о парадоксальной «жизнеспособности» психоанализа, развивающегося вопреки многолетней острейшей критике [30, с. 436–438]). В этом отношении обращает на себя внимание научная стратегия Выготского, который не стремился к вытеснению теорий своих оппонентов, но создавал для них пространство диалога, где могли бы проясняться основания этих теорий. Он хорошо понимал природу мысли, возникающей, подобно электрическому разряду, при наличии разности потенциалов на двух полюсах; ему нужен был собеседник с иным взглядом на природу вещей. Именно Фрейд он называл одним из самых бесстрашных умов современности [18, с. 3]: стиль мышления основателя психоанализа определяли и умение видеть аномалию в хаосе фактического материала, и способность задавать вопросы, имеющие эвристический потенциал, и стойкость в защите собственных взглядов. Работы Фрейда, писал Выготский, учат *искать истину*, что гораздо важнее, чем преподнесение готовых истин [12, с. 336]. Определяясь в полемике с такими собеседниками, как Фрейд или Левин, Выготский шаг за шагом создавал культурно-историческую психологию, однако это была борьба не столько за свою концепцию, сколько за психологию как таковую, в которой «снятие» точки зрения оппонента означало не ее уничтожение, но включение в более широкий контекст, в пределе — в общепсихологическую теорию. Поэтому продолжение этой полемики представляется нам одной из задач психологии в ее настоящем и будущем.

Литература

1. Биренбаум Г.В., Зейгарник Б.В. К динамическому анализу расстройств мышления // Советская невропатология, психиатрия и гигиена. 1935. Т. 1. № 6. С. 75–98.
2. Вересов Н.Н. Экспериментально-генетический метод и психология сознания: в поисках утраченного (статья вторая) // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 117–126. doi:10.17759/chr.2015110113
3. Волошинов В.Н. По ту сторону социального: О фрейдизме // Звезда. 1925. № 5. С. 186–214.
4. Волошинов В.Н. Фрейдизм. Критический очерк. М.; Л: ГИЗ, 1927. 164 с.
5. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Психология развития. СПб: Питер, 2001. С. 56–79.
6. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Психология развития человека. М.: Эксмо, 2005. С. 1020–1038.

7. Выготский Л.С. К проблеме психологии шизофрении // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1932. Т. 1. № 8. С. 352–364.
8. Выготский Л.С. Лекции по педологии. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. 304 с.
9. Выготский Л.С. Психика, сознание и бессознательное // Элементы общей психологии. Вып. 4. / Под ред. К.Н. Корнилова. М.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1930. С. 48–61.
10. Выготский Л.С. Проблема умственной отсталости // Проблемы дефектологии. М.: Просвещение, 1995. С. 426–450.
11. Выготский Л.С. Психология искусства. 3-е изд. / Под ред. В.В. Иванова. М.: Искусство, 1986. 573 с.
12. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
13. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 504 с.

14. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
15. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 433 с.
16. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983. 366 с.
17. *Выготский Л.С.* Сон и сновидения // Элементы общей психологии / Под ред. К.Н. Корнилова. М.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1930. С. 62–75.
18. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Предисловие // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Современные проблемы, 1925. С. 3–16.
19. *Гонзалес А.* Автореферат книги «Фрейд в Выготском. Бессознательное и язык» // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 114–120.
20. *Завершнева Е.Ю.* Две линии развития категории «смысл» в работах Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2015. № 3. С. 116–132.
21. *Завершнева Е.Ю.* Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120–136.
22. *Завершнева Е.Ю.* «Ключ к психологии человека»: комментарии к блокноту Л.С. Выготского из больницы «Захарьино» (1926 г.) // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 123–141.
23. *Завершнева Е.Ю.* Представления о смысловом поле в теории динамических смысловых систем Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2015. № 4. С. 119–135.
24. *Завершнева Е.Ю.* Проблема свободы как отличительной характеристики человека в работах Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 89–105.
25. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. 236 с.
26. *Лурия А.Р.* Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм / Под ред. К.Н. Корнилова. Л.: ГИЗ, 1925. С. 47–80.
27. *Самухин Н.В., Биренбаум Г.В., Выготский Л.С.* К вопросу о структуре деменции при болезни Пика // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1934. Т. 3. № 6. С. 97–136.
28. *Улыбина Е.В.* Знаковое опосредование в культурно-исторической теории и психоанализе. Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 64–72.
29. *Фрейд З.* Бессознательное // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998. С. 151–193.
30. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1991. 456 с.
31. *Freud S.* Neue folge der vorlesungen zur einfuehrung in die psychoanalyse. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1933. 254 p.
32. *Kozulin A.* The concept of regression and vygotskian developmental theory // Developmental review. 1990. № 10. P. 218–238.
33. *Pešić J., Baucal A.* Vygotsky and psychoanalysis: Toward dialogue // Journal of Russian and East European Psychology. 1996. № 34(1). P. 33–39.
34. *Van der Veer R.* Tatyana on the couch: the vicissitudes of psychoanalysis in Russia // Cultural psychology and psychoanalysis: pathway to synthesis / S. Salvatore, T. Zittoun (Eds.). Charlotte, N.C.: Information Age Publishing, 2011. P. 49–55.
35. *Wertsch J.V.* A meeting of paradigms: Vygotsky and psychoanalysis // Contemporary Psychoanalysis. 1990. № 26(1). P. 53–73.
36. *Wilson A., Weinstein L.* An investigation into some implications of a Vygotskian perspective on the origins of the mind: psychoanalysis and Vygotskian psychology, Part I // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1992. № 40. P. 357–387.
37. *Wilson A., Weinstein L.* Language and the psychoanalytic process: Psychoanalysis and Vygotskian psychology, Part II // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1992. № 40. P. 725–760.
38. *Wilson A., Weinstein L.* Language, thought, and interiorization: A Vygotskian and psychoanalytic perspective // Contemporary Psychoanalysis. 1990. № 26(1). P. 24–41.
39. *Wilson A., Weinstein L.* The transference and the zone of proximal development // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1996. № 44(1). P. 167–199.
40. *Zavershneva E.* The problem of consciousness in Vygotsky's cultural-historical psychology // The Cambridge handbook of cultural-historical psychology / A. Yasnitsky, R. van der Veer, M. Ferrari (Eds.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2014. P. 63–100.

Vygotsky vs. Freud: on the Rethinking of Psychoanalysis in Terms of Cultural-Historical Psychology

Ye.Yu. Zavershneva*,

A.I. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry, Moscow, Russia,
zavr71@yandex.ru

The paper traces the dynamics of L.S. Vygotsky's attitude towards Freud's theory on the material of Vygotsky's published works and personal notes. It provides an overall picture of Vygotsky's critical views on psychoanalysis, including his accounts of both weak and progressive assumptions of Freud's theory. It has been shown that Vygotsky's polemic with Freud was obviously shaped by the development of cultural-historical psychology and reached the point of a potential rivalry between their research programs in late 1932. The paper focuses on the perspectives of rethinking classical psychoanalysis in the context of the ideas of Vygotsky's last period of life and work (1932–1934), namely, the idea of consciousness as a dynamic system of meaning, the concept of the field of meaning, the relationship between normal and abnormal development, and the idea of freedom as the main feature of human existence. It is stated that Vygotsky did not seek to eliminate any competing theories (in particular, psychoanalysis), but rather remained in dialogue with them and contributed to making their foundations more clear.

Keywords: psychoanalysis, cultural-historical psychology, height psychology, theory of consciousness, meaning, dynamic system of meaning, freedom, norm.

References

1. Birenbaum G.V., Zeigarnik B.V. K dinamicheskomu analizu rasstroistv myshleniya [To dynamic analysis of thought disturbances]. *Sovetskaya nevropatologiya, psikiatriya i gigiena [Soviet neuropathology, psychiatry and psychohygiene]*, 1935, vol. 4, no. 6, pp. 75–98.
2. Veresov N.N. Eksperimental'no-geneticheskii metod i psikhologiya soznaniya: v poiskakh utrachennogo (stat'ya vtoraya) [Experimental genetic method and psychology of consciousness: in search of the lost (part two)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2015, vol. 11, no. 1, pp. 117–126. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/chp.2015110113
3. Voloshinov V.N. Po tu storonu sotsial'nogo: O freidizme [Beyond the social: on Freudianism]. *Zvezda [The star]*, 1925, no. 5, pp. 186–214.
4. Voloshinov V.N. Freidizm. Kriticheskii ocherk [Freudianism: A Critical Essay]. Moscow; Leningrad: G.I.Z., 1927. 164 p.
5. Vygotskii L.S. Igra i ee rol' v psikhicheskom razvitii rebenka [The play and its role in the mental development of the child]. In *Psikhologiya razvitiya [Developmental psychology]*. Saint-Petersburg: Piter, 2001, pp. 56–79.
6. Vygotskii L.S. Konkret'naya psikhologiya cheloveka [Concrete human psychology]. In *Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of human development]*. Moscow: Eksmo, 2005, pp. 1020–1038.
7. Vygotskii L.S. K probleme psikhologii shizofrenii [On the problem of psychology of schizophrenia]. *Sovetskaya nevropatologiya, psikiatriya i psikhogigiena [Soviet neuropathology, psychiatry and psychohygiene]*, 1932, vol. 1, no. 8, pp. 352–364.
8. Vygotskii L.S. Leksii po pedagogii [Lectures on pedagogy]. Izhevsk: Publ. "Udmurtskii universitet", 2001. 304 p.
9. Vygotskii L.S. Psikhika, soznanie i bessoznatel'noe [Psyche, consciousness and unconsciousness]. In Kornilov K.N. (ed.) *Elementy obshchei psikhologii [Elements of general psychology]*. Moscow: Publ. B.Z.O. pri pedfak 2-go MGU, 1930, vol. 4, pp. 48–61.
10. Vygotskii L.S. Problema umstvennoi otstalosti [The problem of mental retardation]. In *Problemy defektologii [Problems of defectology]*. Moscow: Prosveshchenie, 1995, pp. 426–450.
11. Vygotskii L.S. Psikhologiya iskusstva [Psychology of art]. Ivanov V.V. (ed.). 3-e izd. Moscow: Iskusstvo, 1986. 573 p.
12. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psikhologii [Collected Works: in 6 vol. Vol. 1. Questions of the theory and history of psychology]. Moscow: Pedagogika, 1982. 488 p.
13. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 2. Problemy obshchei psikhologii [Collected Works: in 6 vol. Vol. 2. Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika, 1982. 504 p.
14. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 3. Problemy razvitiya psikhiki [Collected Works: in 6 vol. Vol. 3. Problems of development of the mind]. Moscow: Pedagogika, 1983. 368 p.
15. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya [Collected Works: in 6 vol. Vol. 4. Child psychology]. Moscow: Pedagogika, 1984. 433 p.
16. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 5. Osnovy defektologii [Collected Works: in 6 vol. Vol. 5. The fundamentals of defectology]. Moscow: Pedagogika, 1983. 369 p.
17. Vygotskii L.S. Son i snovideniya [Sleeping and dreams]. In Kornilov (ed.) *Elementy obshchei psikhologii [Elements of general psychology]*. Moscow: Publ. B.Z.O. pri pedfak 2-go MGU, 1930, pp. 62–75.

For citation:

Zavershneva Ye.Yu. Vygotsky vs. Freud: on the Rethinking of Psychoanalysis in Terms of Cultural-Historical Psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 14–25. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120402

* Zavershneva Yekaterina Yuryevna, PhD in Psychology, associate professor, Faculty of Clinical Psychology, A.I. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry, Moscow, Russia. E-mail: zavr71@yandex.ru

18. Vygotskii L.S., Luriya A.R. Predislovie [Preface]. In Freid Z. *Po tu storonu printsipa udovol'stviya* [Beyond the pleasure principle]. Moscow: Sovremennye problemy, 1925, pp. 3–16.
19. Gonzales A. “Freid v Vygotskom. Bessoznatel'noe i yazyk” [“Freud In Vygotsky. Unconscious and Language”]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2007, no. 1, pp. 114–120. (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Zavershneva E.Yu. Dve linii razvitiya kategorii “smysl” v rabotakh L.S. Vygotskogo [Two lines of the development of the category “sense” in L.S. Vygotsky's works]. *Voprosy psikhologii* [Question of psychology], 2015, no. 3, pp. 116–132. (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Zavershneva E.Yu. Zapisnye knizhki, zametki, nauchnye dnevniki L.S. Vygotskogo: rezul'taty issledovaniya semeinogo arkhiva [Notebooks, notes and scientific journals of L.S. Vygotsky: research of the family archive]. *Voprosy psikhologii* [Question of psychology], 2008, no. 2, pp. 120–136. (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Zavershneva E.Yu. “Klyuch k psikhologii cheloveka”: kommentarii k bloknotu L.S. Vygotskogo iz bol'nitsy “Zakhar'ino” (1926 g.) [“The key to human psychology”: commentary on L.S. Vygotsky's notebook from Zakharino hospital (1926)]. *Voprosy psikhologii* [Question of psychology], 2009, no. 3, pp. 123–141. (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Zavershneva E.Yu. Predstavleniya o smyslovom pole v teorii dinamicheskikh smyslovykh sistem L.S. Vygotskogo [The notion of semantic field in L.S. Vygotsky's theory of dynamic semantic system]. *Voprosy psikhologii* [Question of psychology], 2015, no. 4, pp. 119–135. (In Russ., abstr. in Engl.).
24. Zavershneva E.Yu. Problema svobody kak otlichitel'noi kharakteristiki cheloveka v rabotakh L.S. Vygotskogo [The problem of freedom as a distinctive feature of human in L.S. Vygotsky's works]. *Voprosy psikhologii* [Question of psychology], 2015, no. 5, pp. 89–105. (In Russ., abstr. in Engl.).
25. Lakatos I. Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program [Falsification and the methodology of scientific research programs]. Moscow: Medium, 1995. 236 p. (In Russ.).
26. Luriya A.R. Psikhooliz kak sistema monisticheskoi psikhologii [Psychoanalysis as a system of monistic psychology]. In Kornilov K.N. (ed.) *Psikhologiya i marksizm* [Psychology and marxism]. Leningrad: G.I.Z., 1925, pp. 47–80.
27. Samukhin N.V., Birenbaum G.V., Vygotskii L.S. K voprosu o strukture dementsii pri bolezni Pika [To the issue of dementia in Pick's disease]. *Sovetskaya nevropatologiya, psikh-iatriya i psikhogigiena* [Soviet neuropathology, psychiatry and psychohygiene], 1934, vol. 3, no. 6, pp. 97–136.
28. Ulybina E.V. Znakovoe oposredovanie v kul'turno-istoricheskoi teorii i psikhoolize [Sign mediation in cultural-historical theory and psychoanalysis]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2004, vol. 25, no. 6, pp. 64–72. (In Russ., abstr. in Engl.).
29. Freid Z. Bessoznatel'noe [Unconsciousness]. In *Osnovnnye psikhologicheskie teorii v psikhoolize. Ocherk istorii psikhooliza* [Main psychological theories of psychoanalysis. Essays on the history of psychoanalysis]. Saint-Petersburg: Ale-teiya, 1998, pp. 151–193. (In Russ.).
30. Freid Z. Vvedenie v psikhooliz. Lektsii [Introductory lectures into psychoanalysis]. Moscow: Nauka, 1991. 456 p. (In Russ.).
31. Freud S. Neue folge der vorlesungen zur einfuehrung in die psychoanalyse [New introductory lectures on psychoanalysis]. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1933. 254 p.
32. Kozulin A. The concept of regression and vygotskian developmental theory. *Developmental review*, 1990. No. 10, pp. 218–238.
33. Pešić J., Baucal A. Vygotsky and psychoanalysis: Toward dialogue. *Journal of Russian and East European Psychology*, 1996. Vol. 34, no. 1, pp. 33–39.
34. Van der Veer R. Tatyana on the couch: the vicissitudes of psychoanalysis in Russia. In S. Salvatore (eds.) *Cultural psychology and psychoanalysis: pathway to synthesis*. Charlotte, N.C.: Information Age Publishing, 2011, pp. 49–55.
35. Wertsch J.V. A meeting of paradigms: Vygotsky and psychoanalysis. *Contemporary Psychoanalysis*, 1990. Vol. 26, no. 1, pp. 53–73.
36. Wilson A., Weinstein L. An investigation into some implications of a Vygotskian perspective on the origins of the mind: psychoanalysis and Vygotskian psychology, Part I. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1992. No. 40, pp. 357–387.
37. Wilson A., Weinstein L. Language and the psychoanalytic process: Psychoanalysis and Vygotskian psychology, Part II. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1992. No. 40, pp. 725–760.
38. Wilson A., Weinstein L. Language, thought, and interiorization: A Vygotskian and psychoanalytic perspective. *Contemporary Psychoanalysis*, 1990. Vol. 26, no. 1, pp. 24–41.
39. Wilson A., Weinstein L. The transference and the zone of proximal development. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1996. Vol. 44, no. 1, pp. 167–199.
40. Zavershneva E. The problem of consciousness in Vygotsky's cultural-historical psychology. In Yasnitsky A. (eds.) *The Cambridge handbook of cultural-historical psychology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2014, pp. 63–100.